

Только что прошёл Праздник чистого света, как Старейшина Шэнь внезапно получил звонок от старого боевого товарища.

Закончив разговор, он, не слушая уговоров сына и невесток, в сопровождении старшего внука Шэнь Ланьшу той же ночью поспешил в Первую народную больницу города Жун и увидел товарища Цзян Хуайчуня.

Цзян Хуайчунь к тому времени был уже иссушён болезнью до состояния живого скелета, но духом, на удивление, держался бодро.

Поэтому при первой же встрече два старика, разделённые почти полувеком, сразу взялись за руки, обменялись приветствиями и принялись вспоминать былое.

— В своё время мы договорились породниться, а ты, как уволился, в одностороннем порядке оборвал со мной связь...

Старейшина Шэнь и Цзян Хуайчунь в молодости служили в одном полку.

Так как Старейшина Шэнь был младше, старший Цзян Хуайчунь часто о нём заботился, и их отношения были ближе родных братских.

Позже в одном из сражений молодой Цзян Хуайчунь, рискуя жизнью, заслонил Старейшину Шэня от пули, чудом выжил, но из-за этого получил осложнения и был вынужден уволиться, после чего они расстались.

Старейшина Шэнь вспоминал о нём долгие годы, но встретиться им довелось лишь на пороге жизни и смерти, отчего он невольно опечалился.

Цзян Хуайчунь же, как и в былые годы, оставался прямодушным. Вспоминая с Шэнем их горячую молодость, он не выказывал скорби, кроме разве что сожаления, и с улыбкой утешал:

— Я тогда, как вернулся в родные края, сразу женился на красавице-жене. Жена, дети, тёплая печь — жизнь была куда как хороша, где уж мне было помнить о тебе, старом пне!

— Ах ты старый чёрт! — Старейшина Шэнь растрогался и невольно рассмеялся вслед за ним.

Старики смеялись, но идиллия внезапно прервалась приступом надрывного кашля.

— Старая болячка, не волнуйся.

Посиневший от кашля Цзян Хуайчунь взял Старейшину Шэня за руку и вдруг вздохнул:

— Лао Шэнь, боюсь, я уйду первым.

Старейшина Шэнь раньше не замечал.

А сейчас, когда Цзян Хуайчунь сжал его запястье, он ощутил, что рука его старшего брата

превратилась в сухую ветку, покрытую колючей толстой мозолью. Глаза защипало, и хлынули горячие слёзы.

Он знал своего старшего брата.

Если бы не было невысказанной боли, тот не связался бы с ним в такой час, не позвал бы его в такую даль. Старейшина Шэнь сжал руку старшего брата, смахнул слёзы и сказал:

— Если у тебя есть что на душе, говори прямо, не таись.

Цзян Хуайчунь, отдышавшись, несколько раз открывал рот, но не мог вымолвить ни слова.

Но стоило ему вспомнить о внуке, как все сомнения и колебания в душе обернулись одним вздохом.

— У меня есть внук, судьба у него незавидная. Родители рано ушли, сам он остался калекой — обе ноги не ходят. Если я уйду, за ним некому будет присмотреть. Я... я не могу о нём не тревожиться!

Старейшина Шэнь мысленно вздохнул, похлопал по его высохшей кисти и пообещал:

— Какая между нами разница? Твой внук — мой внук, Шэнь Лижэня. К слову, я всегда жалел, что мы не стали сватами. Как раз у меня есть внучка, только что университет закончила...

— Я не затем пришёл, чтобы требовать платы за добро.

Старик прервал Старейшину Шэня, мягко покачал головой и с горечью произнёс:

— Нынешняя молодёжь предпочитает свободную любовь, наши понятия уже устарели. И я не хочу, чтобы мой внук стал обузой для твоей внучки. Ты заведи его в Киото, приглядывай за ним, пусть парень живёт спокойно — и я буду доволен.

Разговор двух старых боевых товарищей прервался из-за того, что Цзян Хуайчунь выдохся.

Но той же ночью, глубоко за полночь, видимо, сбросив с души камень, Цзян Хуайчунь тихо и беззвучно ушёл. Только что уснувший Старейшина Шэнь, получив звонок, поспешил в больницу, чтобы увидеть боевого товарища в последний раз и познакомиться с его внуком.

Хрупкий, почти болезненный молодой человек.

Сидел в инвалидном кресле, лицо было белым, как будто он никогда не видел солнца, — белым до прозрачности. Его подкатил к Старейшине Шэню другой молодой человек, интеллигентный, в очках.

Увидев, что у юноши в кресле глаза красные, Старейшина Шэнь с жалостью похлопал его по плечу. Больше ничего не говоря, он просто сказал:

— Дитя, твой дед поручил тебя мне. Отныне я буду тебе родным дедом.

Апрель — сезон дождей.

В день похорон Цзян Хуайчуня с бледно-голубого неба моросил мелкий дождь. Старейшина Шэнь, не щадя своего здоровья, сопровождал убитого горем юношу, принимая соболезнования от гостей.

Во-первых, из жалости к внуку своего боевого товарища, во-вторых, желая проводить товарища в последний путь.

Перед похоронами он велел внуку вернуться в Киото и привезти внучку Шэнь Цзянмянь — хотя покойный товарищ перед смертью и отказался от предложения породниться, прося лишь приглядывать за внуком, но сам Старейшина Шэнь уже стар, ему немного осталось, долго ли он сможет заботиться? Только если они станут одной семьёй, сыновья и внуки будут больше заботиться о Цзян Цинъяне.

Однако время уже клонилось к вечеру, а внук и внучка всё не появлялись.

Старейшина Шэнь в душе бранил старшего внука за медлительность в таком важном деле, но на лице не показывал и вида. Он наклонился и с любовью сказал юноше с пустым взглядом:

— Цинъянь, дедушка ненадолго отойдёт по делам. Ты не горюй сильно.

Юноша не ответил.

Казалось, он был поглощён скорбью об ушедшем близком человеке.

Видя это, Старейшина Шэнь горестно вытер слёзы и, опираясь на трость, сгорбленный, покинул зал прощания.

Но едва старик вышел, как остекленевшие глаза юноши вдруг моргнули.

Рассеянные зрачки медленно сфокусировались, в них вернулся блеск, и в глубине промелькнула, тут же исчезнув, красная вспышка.

□Это похороны?□

Юноша, точнее, только что вселившийся сюда Янь, незаметно оглядел траурный зал, увешанный прощальными надписями, венками, чёрными стягами с белыми иероглифами. Скорбящие гости понемногу расходились. Он молча спросил у Системы.

Система, помедлив несколько минут, ответила:

□Да, у вашего нынешнего тела умер близкий человек.□

Она заглянула в сюжет, предоставленный Мировым сознанием, шумно втянула воздух и тихо сказала:

□Может, сначала посмотрите сюжет?□

Янь, ещё не осознавший своего положения, равнодушно хмыкнул.

Сюжет оказался простым: история о том, как ты спасаешь меня, а я защищаю тебя.

Тот, кого спасали, — хозяин его нынешнего тела.

А тот, кого он должен был защищать, — его друг детства Цзи Синье, с которым они росли вместе. Многоопытный ловелас, сластолюбивый и многожённый, эдакий обаятельный негодяй, который только флиртует, но не женится.

Оригинального хозяина звали Цзян Цинъянь. В шесть лет он попал в аварию, когда ехал с родителями на прогулку.

Родители погибли, он выжил, но повредил ноги и навсегда остался в инвалидном кресле.

Цзи Синье вытащил его из пучины отчаяния и стал самым важным светом в его жизни. Но этот свет оказался натуралом, его душа жаждала океана, и к Цзян Цинъяню он испытывал лишь братскую привязанность.

Цзи Синье не верил в любовь.

Из-за несчастливого брака родителей, оставившего в душе глубокий след, он считал, что в мире всё ценно, только любовь — дешёвка.

Поэтому способ выразить свою привязанность к человеку у него был один — считать его семьёй. Но Цзян Цинъянь, которого он считал семьёй, питал к нему глубокую, нежную любовь.

А Цзян Цинъянь из-за своей инвалидности стал чувствительным и закомплексованным, боялся признаться в своих чувствах.

Один из них не верил в любовь и потому играл с чувствами других, другой любил, но не смел открыться, как безъязыкий колокольчик, и мог лишь молча смотреть, как тот меняет одну девушку за другой.

Просмотрев сюжет, Янь не стал оценивать поведение Цзян Цинъяня.

Жизнь многолика, один хочет ударить, другой — подставить щёку, ему нечего здесь судить, однако...

Он нахмурился, опустил взгляд и увидел, что сидит в инвалидном кресле. Складки на лбу

разгладились, и бровь удивлённо приподнялась.

□Ноги Цзян Цинъяня в хорошем состоянии.□

Вовремя подавшая голос Система заискивающе сказала:

□Сейчас у меня энергии полно, я могу вылечить ваши ноги.□

□Не торопись.□ Янь поднял глаза и обвёл взглядом зал прощания.

Сегодня похороны деда Цзян Цинъяня.

Когда-то родители Цзян Цинъяня погибли в аварии, и единственный близкий человек — дед — приехал из деревни, уладил похороны дочери и зятя, продал землю в родных краях и дом, оставшийся от дочери, чтобы оплатить лечение ног внука.

Но все сбережения ушли, остались огромные долги, а ноги так и не спасли.

Деду пришлось переехать с ним в дешёвую съёмную хибару на окраине, арендовать несколько десятков му земли, чтобы сводить концы с концами, платить за последующее лечение и физиотерапию для ног внука, а также отдавать долги. На душевное состояние внука, внезапно потерявшего ноги, у него времени не оставалось.

Однако, боясь, что внук, оставшись один дома, наделает глупостей, он поручил его заботам соседки и хозяйки дома госпожи Цзи. Госпожа Цзи была разведена, жила одна с сыном, и этим сыном был Цзи Синье.

Дед Цзян Цинъяня надорвал здоровье из-за долгов и жизненного давления.

Когда внук уже подрос, и бремя жизни могло стать легче, внезапный обморок показал — у старика рак печени в последней стадии.

Зная, что его дни сочтены, старик больше всего беспокоился о внуке. Перед смертью он поручил его заботам старого боевого товарища по фамилии Шэнь, попросив того забрать внука в Киото.

У этого поступка было две причины.

Первая: у Цзян Цинъяня не осталось никого из родных, он был одинок и беспомощен, без гроша за душой. Старик боялся, что, когда он уйдёт, его внук, не способный выжить самостоятельно и лишённый поддержки, выберет крайний путь.

Вторая: старик видел, как его внук относится к Цзи Синье. Но госпожа Цзи вырастила его как родного сына. Старик чувствовал себя виноватым перед ней, не хотел, чтобы внук упорствовал в своей привязанности к Цзи Синье, и надеялся разлучить их, чтобы тот увидел другой мир.

Говоря о Цзи Синье, в дверях зала прощания показались три молодых человека — двое мужчин и одна девушка, все весьма привлекательной внешности.

Впереди, указывая дорогу, шёл элегантный молодой человек.

На нём был чёрный костюм, на груди — белый цветок, на носу — тонкая оправа очков. Губы от природы были изогнуты в лёгкой, располагающей улыбке, которая сразу вызывала симпатию. И самое главное — лицо этого молодого человека совпало с образом Цзи Синье из памяти Цзян Циньяня.

Цзи Синье привёл юношу и девушку.

Двое были чем-то похожи.

Девушка была совсем юной, строгий чёрный наряд подчёркивал её стройную фигуру. Она держала в руке хризантему, и когда посмотрела на него, взгляд её был холоден, прозрачен, как у статуи, лишённой эмоций.

А мужчина, одетый так же, был на полголовы выше стоящего рядом Цзи Синье (рост которого был метр восемьдесят). Черты лица благородные и суровые, под густыми бровями прятались глубокие глаза, которые скользнули по Яню, словно случайно.

□Ого! Это он!□

Янь уже собрался отвести взгляд, как в голове раздался удивлённый голос Системы.

Он вопросительно изогнул бровь и снова посмотрел на мужчину. Система вовремя пояснила:

□Хорошо, что я раньше поставила на нём метку, а то мы бы его, как в прошлых двух мирах, и не заметили.□

Янь не стал комментировать.

Встретившись взглядом с мужчиной, он покосился на Цзи Синье, который то и дело поправлял очки, — это был его жест, когда он встречал кого-то интересного.

А кто же был этим интересным...

Янь снова глянул на отступившую на шаг девушку. Безупречная, как нефрит, но в глазах — лишь холодное равнодушие, ни следа эмоций.

Девушка с холодным, отстранённым характером и очень красивая.

Они подошли к нему.

Мужчина и девушка с цветами сначала опустили свои хризантемы, затем низко поклонились усопшему и, наконец, повернулись к Яню в инвалидном кресле, сказали «Примите соболезнования» и один за другим ушли.

Янь смотрел им вслед. Внезапно его накрыла тень.

Подняв глаза, он увидел стоящего перед ним высокого, интеллигентного вида Цзи Синье. Тот

присел на корточки, снял очки в тонкой оправе, поднял голову, и взгляд его миндалевидных глаз, способных свести с ума, остановился на Яне. Он тихо спросил:

— Жёнушка, устала?

□Из дневника Ланьшу: Личико у него бледное!□

Глава 2. Протагонист в инвалидном кресле (02)

Жёнушка?!

В глазах Яня мелькнула искра. Он несколько мгновений смотрел на него, затем слегка кивнул.

Цзи Синъе расплылся в улыбке.

Улыбка добралась до самых глаз, в свете ламп заискрилась нежной лаской, и было трудно понять, нежность это от ветрености или же от истинной глубины чувств.

— Тогда я отвезу тебя в комнату, отдохнёшь?

С этими словами он надел очки, встал и зашёл за кресло.

Толкая коляску, он шёл и говорил:

— Я знаю, что тебе очень тяжело из-за ухода дедушки. Но у тебя есть я.

В тягучей печальной музыке его мягкий голос, полный решимости, достиг ушей Яня:

— Я всегда буду рядом с тобой.

Янь усмехнулся, ничего не ответил, но мысленно спросил Систему:

□Какое задание в этом мире?□

□Задания нет.□

Система подобрала слова:

□Когда мы только попали в этот мир, я ещё не успела найти объект для сделки, как меня перехватило Мировое сознание, и вашу душу запихнули в это тело.□

□М?□ Янь вспомнил, как Система тогда задержалась на несколько минут.

□Мировое сознание передало мне, что кто-то уже заранее заплатил плату.□

□Кто-то заплатил?□ Янь прокрутил эту фразу в голове, нахмурился всё сильнее: □Что это значит?□

□Это значит, что вы вселились в тело Мирового Дитя. Обычно Мировое Дитя нельзя заменить, потому что оно — воплощение Мирового сознания. Но кто-то заключил сделку с Мировым сознанием, и оно отдало вам это тело в пользование.□

Выслушав это, Янь задумался на мгновение:

□Значит, кто-то заранее заплатил Мировому сознанию, чтобы купить права на это тело, и просто ждал, когда я его займу?□

□Можно и так понять.□ Система мысленно усмехнулась: она никогда не видела такого.

И без гаданий было ясно, кто заключил сделку с Мировым сознанием.

Но именно из-за этого знания ей было не по себе. Она даже злорадно подумала: «Неужели этот тип в прошлом мире так устал бегать от Великого Короля Демонов, что получил психологическую травму, и поэтому решил обеспечить ему такое тело?»

Янь же не думал так далеко.

Услышав, что задания нет, он понял, что может действовать как угодно.

Придя к этой мысли, он поднял глаза и посмотрел на сад, погружённый в ночь.

В сгустившейся темноте всё ещё моросил дождь. Влажный воздух, смешанный с холодным ветром, ударил в лицо, сразу развеяв запах ладана, витавший вокруг.

Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, открыл их и, при свете фонарей и ламп на дорожке, увидел, как в мелкой мороси, возле фонтана с бассейном, распускаются пышные цветы. Огромные, аккуратно подстриженные кустарники, словно совершенные произведения искусства, а в конце дорожки, отделяющей их, высилось роскошное европейское здание, залитое огнями.

Колёса кресла в этот момент остановились.

Он услышал, как позади него раскрывают зонт, и внезапно сказал:

— Цзи Синье, давай ты будешь называть меня по-другому.

Хотя ожидание Цзян Циньяня было его добровольным выбором, в этом была и заслуга Цзи Синье.

Цзи Синье с детства был помешан на красивых лицах, а Цзян Циньянь с детства был

необычайно хорош. Несмотря на то, что из-за инвалидности он был мрачен и неразговорчив, это не могло скрыть его выдающейся внешности. Когда они только переехали, маленький Цзи Синье из-за его красоты целыми днями увивался вокруг него, и даже если тот хмурился и не отвечал, это не обескураживало Цзи Синье. Такое упорство и тепло понемногу растопили сердце Цзян Циньяня, вливая живую струю в его увядшую и безнадежную душу.

Когда он постепенно привык и принял существование маленького Цзи Синье, тот стал наглет, называть его «жёнущкой» и постоянно клятвенно заверять:

— Циньянь, ты такой красивый, когда вырастешь, станешь моей женой.

Взрослые не придавали этому значения, но маленький Цзян Циньянь принял это за чистую монету.

Пока они не достигли подросткового возраста, и Цзи Синье вдруг не привёл какую-то девушку, представив её как свою подружку. Этот поступок просто ошеломил Цзян Циньяня.

Он всегда думал, что они с Цзи Синье — неразлучная пара, идущая навстречу друг другу.

Оказалось, это была лишь его иллюзия.

Чувствительный и закомплексованный, он побоялся спросить Цзи Синье, что тот на самом деле думает, и, боясь потерять его, не стал требовать ответа.

Поведение в детстве можно было списать на неразумие.

Обращение в старшем возрасте можно было объяснить привычкой. Но такая нежность и забота, как сейчас, встречались на каждом шагу в повседневной жизни. Это было словно оковы, которые крепко сковывали колеблющееся сердце Цзян Циньяня, заставляя его всё глубже увязать в этой ласке.

Теперь же оболочку занял Янь...

Янь подумал: пусть они будут настоящими братьями до конца жизни.

Но Цзи Синье, раскрывший зонт, при этих словах замер. Он опустил зонт и большими шагами подошёл к Яню.

Высокая фигура заслонила свет от ламп на галерее, отбросив тень, накрывшую Яня. Затем он наклонился, положил руки на плечи Яня и, с сомнением глядя на юношу перед собой, спросил:

Тот, кого он называл «жёнущкой» почти два десятка лет, был, несомненно, красив.

Красив настолько, что можно было назвать его миловидным. Даже за несколько дней без отдыха, с покрасневшими от недосыпа глазами, это ничуть не умаляло его красоты. Напротив, из-за того, что кожа под светом ламп казалась почти болезненно прозрачной и бледной, в ней появилась какая-то хрупкая прелесть.

Даже Цзи Синье, смотревший на это лицо десятки лет, не мог им насытиться.

Но приподнятые уголки губ собеседника и спокойствие в глазах говорили ему, что что-то изменилось. Это вызвало в нём тревогу и смутное беспокойство. Подавив неприятное чувство, он участливо спросил:

— Что с тобой?

— А что такое? — Янь нахмурился, не понимая.

— С чего вдруг просишь сменить обращение? — спросил Цзи Синье.

— Не вдруг. Я давно хотел это поправить.

Янь отвёл взгляд, посмотрел на дождливую ночь и равнодушно произнёс:

— Я, вообще-то, мужик, а ты всё «жёнушка» да «жёнушка». И потом, забыл, из-за чего тебя бросали твои девушки? Разве не из-за того, что ты им говорил, что я — твоя старшая жена?

Но для Цзи Синье эти слова прозвучали иначе.

Напряжённое выражение его лица внезапно смягчилось, и он посмотрел на Яня с некоторым сомнением:

— Ты...

Он хотел спросить, не ревнует ли тот.

Но, вспомнив, что они стоят в траурном зале, проглотил слова, убрал руки с плеч Яня, вернулся за кресло, поднял зонт и, толкая коляску под мелкий дождь, мягко сказал:

— Ты навсегда останешься моим лучшим другом.

Янь мысленно цокнул.

Выходит, Цзи Синье прекрасно знал о чувствах Цзян Циньяня, просто никогда не заговаривал об этом.

И он явно занервничал, что не похоже на полное безразличие к Цзян Циньяню.

Если подумать, то и то, что Цзи Синье не понимал собственных чувств, было виной самого Цзян Циньяня. Будь он настойчивее и напористее, они бы не тянули столько лет, прежде чем сойтись, как в сюжете.

А Цзи Синье, не дождавшись его ответа, решил, что тот действительно приревновал, и

полностью успокоился.

Чтобы разрядить обстановку, он сменил тему и с насмешливой интонацией спросил:

— Помнишь, я раньше хотел познакомить тебя с парнем, а ты сказал, что не интересно. А сейчас? Всё ещё не интересно?

<http://bllate.org/book/19897/1958722>